

Мария Северская

Сердце из льда

*Часть сборника
Пора влюбляться! Весенние
романы о любви
(сборник)*

Мария Северская

Сердце из льда

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3003945
Пора влюбляться! : Весенние романы о любви : повести: Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-55104-0

Аннотация

Андрей с первого дня знакомства дал понять Русе, что ненавидит ее. Она в недоумении – чем помешала этому невероятно красивому парню? И, похоже, он не собирается оставлять ее в покое: отпускает шуточки и колкости при любом удобном случае. Однако Руся умеет за себя постоять. И вот они в кабинете директора, после того, как она отхлестала Андрея по щекам за очередную издевку. Но почему он даже не попытался остановить ее и ни в чем не упрекает? Неужели под маской неприязни Андрея таится другое чувство?

Содержание

1	4
2	9
3	12
4	14
5	17
6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Северская

Сердце из льда

1

Вторую неделю продолжался дождь. Он шел почти без остановок – мелкий, противный, вода словно не лилась, а сыпалась с неба.

Руся сидела в просторной беседке-павильоне в дальнем конце сада, больше похожего на полноценный парк, и смотрела, как капли, словно мелкий прозрачный бисер, стекают по стеклам. Дождь она, в отличие от многих, любила. Ей казалось, что в это время – время дождя – весь мир занавешивается тонкой дымчатой пеленой, скрывается в мягком сумраке, и она остается в отгороженном только для нее одной уютном пространстве, где тихо шелестят капли дождя и где можно спокойно подумать обо всем, что только в голову придет.

В беседку не долетали звуки из дома. Здесь царила абсолютная тишина – только Руся и дождь, да еще перешептывающиеся о чем-то своем сосны. Полная свобода от мира и его обитателей.

Это место она облюбовала сразу же, едва лишь приехав сюда. Кажется, в первый же день. Бродила, бродила по огромному участку и набрела на скрытый от посторонних глаз заброшенный павильон – деревянный домик с огромными, почти во все стены, окнами. Судя по всему, кроме нее, тут давно уже никто не бывал. На крыльце лежал слой пыли и опавшей хвои, дно фонтана, имевшегося в помещении, покрылось слоем густого ила.

Теперь беседку было не узнать. Руся, прибегнув к помощи садовника, прочистила механизм фонтана, и тот снова заработал, в большую каменную чашу каскадом полилась вода. Она поселила в мелком бассейне вокруг фонтана стайку вертких золотых рыбок, купив их в городском зоомагазине, вымела пыль и мелкий мусор, притащила из дома охапку подушечек и пледов и положила их на деревянные лавки, подвесила к потолку оранжевые японские светильники с кисточками...

Вокруг беседки Руся разбила садик – не такой цветистый и экзотический, какой был разбит перед домом, а маленький, можно сказать, камерный, для нее одной: несколько кустов пионов, хосты, разнообразные низкорослые декоративные растения с разноцветными листьями.

С помощью садовника, Сергея, она принесла сюда камни, эффектно разложила их у корней растений. Получилось здорово.

А еще она купила изящную фигурку бронзовой цапли. Теперь эта цапля на своей длинной ноге стояла в центре садика, поджав под бок вторую ногу и, казалось, высматривала в траве какую-нибудь зазевавшуюся лягушку.

Деньги на покупку цапли ей дал Борис. Он вообще не жалел средств на падчерицу: купил для нее целый ворох дизайнерской одежды, гору обуви от лучших модельеров, мощный скутер, который Маруся за весь сезон так ни разу и не опробовала. А вот за горный велосипед, о котором она давно мечтала, девушка была ему искренне благодарна и поблагодарила отчима, смущенно, но искренне.

Борис тепло ей улыбнулся, порывисто обнял, сказал:

– Пустяки!

По мнению Руси, велосипед, как и все остальное, пустяком совсем не был, но отчиму, как говорится, видней.

Из всех его подарков она только велосипедом и пользовалась. Одежда и обувь так и пылились в шкафу. Девушка продолжала носить вещи из прошлой, как говорила мама,

жизни: простые старенькие джинсы и майки, хлопковые растянутые свитера и скромные рубашки.

Все это покупали они с мамой – вместе, бродили по вещевому рынку, выискивая вещи попримечнее и подешевле. Руся любила их, как старых друзей, которых у нее, к слову сказать, и не было.

Отношения с одноклассниками в старой школе у нее не складывались. С первого же класса Маруся была для них белой вороной – непонятной и, что там говорить, неинтересной. После ухода из прежней школы отношений она ни с кем не поддерживала, даже страничку свою ВКонтакте удалила – зачем она нужна, если все равно ей никто никогда не пишет? А в новой школе – вернее, лицее...

Лицей с первых же дней стал ее кошмаром. Радовало ее только одно: терпеть ей осталось недолго, до окончания учебы оставался год, из которого месяц уже прошел.

Единственным Русиним другом была ее мама. Именно с ней девушка вела душевные разговоры, советовалась, жаловалась на выходки одноклассников, обсуждала прочитанные книги. Мама работала заведующей районной библиотекой. Жила их маленькая семья бедно, зато весело, дружно. Они выбирались по выходным дням на прогулки по московским и подмосковным усадьбам; по вечерам, когда Руся заканчивала делать уроки, играли в лото и шахматы.

Девушка знала, как тяжело живется ее маме, как нелегко ей достаются деньги – ее скромной зарплаты едва хватало на оплату крошечной двухкомнатной квартирki, на еду и самые необходимые вещи.

Когда Русе исполнилось тринадцать лет, она заявила маме, что этим летом ее никуда отправлять не нужно – она хочет поработать. Мама со скрипом, но согласилась, устроила дочь помощницей библиотекаря, под свое крыло, и с тех пор Руся каждое лето проводила за высокой стойкой, выдавая книги немногочисленным посетителям этого очага культуры.

Прошлой зимой, за пару дней до Нового года, в мамину библиотеку за какой-то редкой книгой заглянул Борис... и пригласил маму на ужин. Мама отказалась, но Борис оказался человеком настойчивым – он дождался ее после работы у входа, вручил огромный букет из тридцати трех бордовых роз и проводил до дома.

Когда мама в тот вечер пришла домой, глаза ее горели. Маруся никогда раньше не видела ее такой. На вопрос дочери о том, что случилось, она вздохнула и стала рассказывать о своем новом знакомом, а потом долго не могла уснуть – девушка слышала, как она ворочается с боку на бок в постели.

Руся, помнится, тогда представила себе, как было бы здорово – тоже однажды встретить такого прекрасного принца, как Борис, и влюбиться в него до умопомрачения с первого взгляда.

Роман с Борисом развивался стремительно. Уже в мае они поженились, а в июне мать и дочь перебрались в огромный, похожий на средневековый замок, особняк, расположенный в одном из красивейших мест Подмосковья.

Вопреки советам Бориса, работу мама не бросила, и теперь Русин отчим каждое утро отвозил ее в библиотеку.

Между молодоженами установились нежные, наполненные любовью отношения. Руся смотрела на них и радовалась за свою красавицу-мату, о которой она всегда знала, что та заслуживает всего самого лучшего. Настоящей сказки.

– Я словно Золушка, – нередко повторяла мама и счастливо улыбалась.

И Маруся скорее умерла бы, чем хоть какой-то мелочью омрачила бы ее счастье.

Вначале не понравившийся Русе Борис оказался, в общем-то, неплохим мужиком. По жизни жесткий и волевой, с жены он сдувал пылинки. И с падчерицей обращался, как с фарфоровой статуэткой – Русе даже порою казалось, что он ее боится.

Свой капитал отчим заработал честным трудом, чем очень гордился. После учебы в институте, несмотря на то, что все знакомые его отговаривали, убеждая, что бизнес в России – занятие неблагодарное, он открыл на пару с приятелем свою фирмочку, и неожиданно дела его пошли в гору. Впрочем, так бывало далеко не всегда, случались и трудные времена, но Борис и его друг как-то справлялись. Фирмочка постепенно превратилась в известную международную компанию, и деньги потекли рекой.

Впрочем, до финансовых успехов отчима Марусе дела не было. Подумаешь, деньги! Они и на мамину зарплату неплохо жили. И вообще, еще ни одного человека большие деньги не сделали стоящим, хорошим, а главное, счастливым. Особых выгод в своем новом статусе – падчерицы богатого человека – девушка не видела. Скорее, наоборот – она привыкла жить по-другому и скучала по их уютной квартирке в старом районе, по их маленькой семье, состоявшей всего лишь из двух человек – самой Руси и ее мамы. Тоску девушки по прежней жизни скрашивали разве что ее находка – заброшенная беседка, и подарок отчима – велосипед.

Возможно, Руся и освоилась бы в конце концов в этой новой жизни, если бы не одно небольшое «но».

«Но» звали Андреем. Он был сыном Бориса от первого брака и, как говаривал сам Борис, ходил на свою покойную мать даже в мелочах.

Андрей был патологическим эгоистом – это Маруся поняла с первой же встречи с ним. В свои восемнадцать лет он ничем не занимался, уроков, которые им задавали в лицее, не делал, учился через пень-колоду и все свободное время – а у него его было предостаточно – где-то шляется с такими же лоботрясами, как и он сам. Домой он возвращался поздно, а порою и вовсе не возвращался, по любому поводу хамил отцу...

Русину маму Андрей не замечал в упор, а «сестру» – Русю – старался поддеть при каждом удобном случае.

Так повелось с самого первого дня ее пребывания в доме отчима.

Борис тогда сказал:

– Это Маруся, дочь Леночки. Постарайся, пожалуйста, с ней подружиться. Уверен, у вас много общего, вы же почти ровесники.

Андрей скептически усмехнулся и окинул девушку с ног до головы холодным презрительным взглядом.

– Это с этой вот? Да что у нас с ней может быть общего?! – и, громко хлопнув дверью, он вышел из комнаты.

Девушка почувствовала себя оплеванной. Признаться, вначале, пока она еще не знала, что представляет собою сын отчима, ей хотелось с ним подружиться. Но только вначале. Теперь же она старалась лишней раз не попадаться ему на глаза.

Получалось это с трудом, особенно учитывая то, что учились они в одном лицее – элитном, находившемся неподалеку от особняка Бориса, посреди ухоженного соснового леса. И ладно бы – просто в одном лицее, так еще и в одном классе!

Как Андрей оказался в восемнадцать лет в последнем классе – Руся не понимала.

«Не иначе, как его на второй год оставили», – мстительно говорила она про себя, когда он поступал с ней как-нибудь особенно мерзко. А делать это он умел, как никто другой – стоило ему сказать всего пару слов, и Маруся представала перед одноклассниками в самом невыгодном свете.

Хуже всего, что в классе Андрей был признанным авторитетом. Девчонки его просто боготворили. Дело в том, что он был нереально, невероятно красив: длинные густые черные волосы, волнами ниспадавшие на плечи, тонкие правильные черты лица и темно-серые, стального оттенка глаза. И все это – при его высоком росте, широких плечах и в меру нака-

чанном торсе. Представительницы прекрасного пола так и липли к нему, словно он с ног до головы был намазан медом.

«Клеем «Момент» он намазан, – язвила про себя Руся. – Неосторожно прилипнешь – и уже больше никогда не отклеишься».

Марусе подобная мужская красота не то чтобы не нравилась, – она старалась просто ее не замечать и лишний раз в сторону сына отчима не смотреть. Обычной девчонке рядом с таким парнем делать нечего, ему супермодель подавай, никак не меньше. Такую, как, например, Наташа Егорова, для близких друзей – Натали Ягуарова, их общая одноклассница. Натали буквально вешалась Андрею на шею, и ему это, похоже, доставляло удовольствие. И правда, вместе они смотрелись отпадно: высокий, похожий на таких «модных» сейчас вампиров брюнет – и маленькая изящная зеленоглазая блондинка.

Руся, впрочем, догадывалась, что за яркий цвет глаз Натали стоило бы сказать «спасибо» отнюдь не своим маме и папе, а цветным контактными линзам.

Раньше к чужой красоте Маруся относилась весьма болезненно. Казалось, что все ее одноклассницы, да и вообще, все девчонки на свете гораздо симпатичнее нее. Стыдно сказать: у такой красивой матери дочь – настоящая уродина!

Лет до тринадцати она страшно стеснялась своих очень светлых, словно вываренных в молоке волос, треугольного лица и – о ужас! – большого, словно у болотной лягушки, рта.

Впрочем, лягушкой ее в классе не звали, зато дразнили бледной молью и почему-то – инфузурией-туфелькой. И то, и другое было одинаково обидно.

Хотя к семнадцати годам девушка давно уже смирилась со своей некрасивостью – подумаешь, белые волосы и большой рот! Зато у нее с мозгами все в порядке, а это дорогого стоит! И учится она лучше многих.

Да и к тому же пару лет тому назад с ней произошел один случай, несколько изменивший ее отношение к собственной внешности. Маруся ехала в троллейбусе. На остановке в него вошел сухонький старичок с палочкой. Девушка поспешно уступила ему место. Вопреки ожиданиям Руси, поблагодарив ее, старичок не отвернулся к окну, за которым медленно проплывали унылые городские пейзажи, а принялся пристально рассматривать Русю. Ей сделалось неуютно, и она тут же на себя разозлилась.

– У вас удивительные глаза, – вдруг произнес старичок. – Фиалковые... фиолетовые! Я сначала подумал – это на них свет так падает, но теперь вижу, что это их природный цвет. Редко встретишь такую симпатичную барышню, к тому же с таким необычным цветом глаз!

– Спасибо, – смутилась девушка. Она решила, что старичок сделал ей комплимент в благодарность за уступленное ему место.

– А вот волосы вам не стоит заплетать в косу! С таким овалом лица, как у вас, лучше носить высокие пышные прически, – если, конечно, вы захотите его подчеркнуть, – они сделают ваше лицо более аристократичным. Будет такое впечатление, что у вас на голове – корона. Или же, если вы считаете форму вашего лица недостатком, подстригите повыше челку и сделайте два озорных хвостика, поближе к вискам. Еще на них хорошо будет смотреться стрижка «каре».

– Спасибо, – пробормотала Руся. – Попробую...

– Обязательно попробуйте, – настаивал странный старичок. – Можете мне верить, я в свое время был очень даже неплохим парикмахером. Как теперь говорят, стилистом!

Он вскоре вышел из троллейбуса, помахал ей рукой и направился в сторону стоявшей неподалеку от остановки пятиэтажки.

Маруся еще долго вспоминала эту встречу. Старичок оказался прав: хвостики и челка ей пошли. А вот насчет высоких пышных причесок она ничего однозначно сказать не могла бы. То ей казалось, что они делают ее похожей на сказочную принцессу, то – что с такой прической она напоминает шахматную ладью.

Маме ее высоко забранные волосы понравились. Впрочем, ей точно так же нравилась и коса, и хвост. Она вообще считала, что внешняя красота человека – далеко не главное.

2

Дождь барабанил по стеклам все настойчивее. Руся сидела в беседке с утра – как ушла после завтрака, так и не возвращалась в дом. Она смотрела на дождь. Капли стучали по стеклам, по перегородкам рам, затекали внутрь... Хорошо было бы закрыть окна и растопить маленький камин в углу, чтобы из павильона ушла сырость, расправили листья еще вчера принесенные ею сюда разноцветные бегонии и рыбки в фонтане задвигались бы чуть живее. Но девушка продолжала неподвижно сидеть на заваленной шелковыми подушками скамье.

Сентябрь выдался по-летнему жарким. Октябрь же залил землю дождями, настойчиво напоминая: впереди – холода.

Вчера Маруся попросила садовника, чтобы он принес в беседку дрова и почистил старенький, казавшийся декоративным камин. Ее просьба была выполнена незамедлительно. Она помогала ему перетаскивать в павильон тяжелые поленья, а затем училась разжигать огонь.

Сергей рассказал ей, что раньше, при покойной хозяйке, тут было множество цветов, даже больше, чем в зимнем саду, разбитом в одной из стеклянных галерей особняка.

Зимним садом понравилось заниматься Русиной маме. Она накачала из Интернета кучу материалов про экзотические растения и теперь все свободное время проводила в галерее.

Сегодня утром мама, как девчонка, влетела в Русину комнату и сообщила ей радостную новость: у них с Борисом через полгода родится ребенок!

Девушка сделала восторженное выражение лица, чтобы не испортить мамино хорошее настроение, и захлопала в ладоши. Хотя на душе у нее никакой радости и уж тем более восторга вовсе не было.

С одной стороны, она и в самом деле радовалась, что мама счастлива и у нее будет сын или дочь, она, видимо, давно хотела второго ребенка. С другой... А с другой – у девушки возникли определенные сомнения. Руся совсем не была уверена в том, что появление в доме маленького существа вновь сблизит их с мамой. В последнее время они общались куда меньше, чем до мамино замужества. Марусе откровенно не хватало родительского тепла и заботы. Еще больше ей недоставало друга, возможности с кем-то поговорить, посоветоваться, поделиться своими впечатлениями от прожитого дня, поведать о наболевшем. Ей хотелось рассказать маме о том, что отношения с новыми одноклассниками в лицее у нее не сложились, что в большом и светлом, похожем на замок, доме ей неуютно и пусто, словно нет здесь для нее места, и это ощущение собственной чуждости все не дает ей покоя, не позволяет расслабиться...

Но мама почти все свое свободное время проводила с мужем. Девушка видела, как они любят друг друга, как дорожат новообретенным счастьем, и молчала.

Руся встала с лавки, отложила в сторону теплый плед и закрыла рамы – под окно и так уже натекла целая лужа. Покормила рыбок, полюбовалась, как они снуют туда-сюда в погоне за кусочками корма и их чешуя переливается всеми оттенками радуги.

Скоро обед. Пора идти в дом... Сегодня воскресенье, Борис не был на работе. Сегодня он весь день проводит с женой, а значит, Маруся опять осталась одна – на целый день...

Она тщательно закрыла за собой дверь беседки и вышла под дождь.

В просторном холле особняка девушка придиричиво оглядела себя в зеркало и старательно растянула губы в улыбке. Никто не должен заподозрить, что у нее не такое уж радужное настроение. Никто, особенно мама, ведь ей нельзя волноваться.

Обычно они обедали втроем, но сегодня за столом собрались все: мама, Борис, Руся – и Андрей, со своей вечно недовольной физиономией. Девушке, глядя на него, так и хотелось

дать ему подзатыльник, чтобы он лицо попроще сделал. Но, конечно, она сидела спокойно и аккуратно ела суп.

В компании Андрея каждый глоток давался ей с трудом. Ей казалось, что от его презрения к ней воздух в комнате становится плотным, словно пластмасса. Она старалась не поднимать глаз от тарелки, где в жирном бульоне плавали куски порезанных кубиками овощей.

Вообще-то домработница Наташа, жена садовника Сергея, готовила очень вкусно, но сегодня Маруся никакого вкуса не ощущала.

Мама и Борис оживленно обсуждали новый фильм, на который они вчера ходили. Звали они с собой и Русю, но та отказалась – зачем мешать молодоженам, им так хочется побыть вдвоем подольше.

Наконец они съели второе блюдо. Пришло время десерта.

Наталья внесла на подносе блюдо с маковым рулетом, креманки с черничным желе и большую чашу с фруктами.

Руся взяла креманку и уткнула в нее взгляд.

– Мальчики, – вдруг произнесла мама, – у меня есть для вас новость! Маруся уже знает, я ей утром не удержалась, сказала.

Руся вся похолодела. Получается, мама ей первой доверила свой секрет! Даже Борис еще не в курсе.

– Надо было сказать раньше, но я боялась сглазить, – продолжила мама. – Я беременна! Малыш родится через шесть месяцев.

Еще никогда Руся не видела, чтобы кто-то так радовался. Борис вскочил из-за стола, подхватил жену на руки, прижал ее к себе и закружил по комнате. В какой-то момент девушке показалось, что в его глазах блестят слезы, но, наверно, ей просто привиделось, ведь всем известно – мужчины не плачут.

Борис все повторял, как он счастлив, что снова станет отцом и что ребенка ему родит самая любимая на свете женщина.

«Как дети», – подумала девушка, глядя на смеющихся маму и отчима.

Но ее взгляд упал на Андрея. Он сидел с абсолютно белым, будто восковым, лицом, только на его скулах вспухали бугры желваков. Минуту спустя стул, на котором он сидел, отлетел к стене, и Андрей, громко хлопнув дверью, выбежал из столовой.

«Нет, все-таки ребенок – это здорово», – думала Маруся, гуляя вечером по садовым аллеям. Дождь уже перестал, и памятью о нем остались только лужи на дорожках. Из-за туч вышло солнце, вмиг расцветив унылый осенний пейзаж. Засияли алые гроздья рябины, засверкали, словно россыпь бриллиантов, капли на листьях.

«Хам, – фыркнула девушка, вспомнив о выходке Андрея. – Даже если он так уж недоволен, неужели не мог сдержаться, хотя бы ради отца? Нас-то с мамой он и за людей не считает».

Впрочем, Андрей свое еще получит, в этом Маруся не сомневалась. Борис пожалел жену, не стал догонять сына и устраивать скандал, но он обязательно выскажет ему все, что думает. Так он этого точно не оставит.

На самом деле ей порою казалось, что Борис слишком строг с сыном. Лишь одного она не могла сказать четко – всегда ли так было или отчим взял Андрея в ежовые рукавицы лишь после того, как тот стал наглеть. В первом случае выходило, что парня надо пожалеть, во втором – что он сам виноват.

Второй вариант Русе нравился куда больше первого, уж слишком грубым и несдержанным был Андрей. Да и жалеть его ей и в голову бы не пришло – как можно жалеть врага? А в том, что они – враги, причем самые что ни на есть злейшие, она ни минуты не сомневалась.

В этот вечер Андрей домой не вернулся. Разгневанный Борис пытался вызвонить его по сотовому, но парень отключил телефон.

Спать они ложились расстроенными. Мама даже всплакнула.

«Все-таки чертов мальчишка умудрился испортить всем настроение», – думала Маруся, засыпая. Перед ее глазами стояло мамино лицо. Глаза ее – впервые за полгода – были грустными, и девушка поклялась себе, что больше не позволит никому причинить своей маме боль.

3

Вопреки всем ожиданиям, Андрей на следующий день пришел в лицей как ни в чем не бывало. Руся была уверена, что он прогуляет.

Она стояла на дорожке, любясь алым кленовым листочком, лежавшим под ногами, когда ее больно толкнули в плечо.

– Посторонись, клуша! – услышала она ненавистный хриловатый голос. – Чего застыла?

Рядом кто-то мелодично засмеялся, и, обернувшись, Маруся увидела Натали с ее неизменной свитой – двумя подружками-куколками, так они себя называли. Девицы открыто смеялись над ней, тыча пальцами в ее любимую потертую на рукавах куртку.

«Дуры, – беззлобно подумала Руся. – Что с них взять! Для них дороже шмоток в этой жизни ничего нет».

Андрей подошел к Натали, приобнял ее за талию и что-то шепнул ей на ушко, глазами указав на Марусю. Егорова снова прыснула.

Внезапно Русе сделалось обидно – не за себя, за маму. Он причинил ей вчера боль и тут же забыл об этом, а она плакала, переживала... Вновь перед ее глазами встало расстроенное мамино лицо.

– Я ему не нравлюсь, – пожаловалась она вчера мужу и дочери. – Хотя я не понимаю, что я делаю не так? Он даже не пытается наладить со мной контакт!..

В ее душе поднялась волна неконтролируемого гнева. Девушка смотрела на нагло ржавшего парня, и мир перед ее глазами постепенно заволакивало чем-то алым.

Он сказал что-то еще – что-то обидное, про гнусных приживалок, которые только и делают, что гоняются за чужими деньгами.

Маруся стремительно шагнула к нему и, размахнувшись, ударила по лицу. Она била и била его, пока у нее не заболела ладонь.

– Это тебе за мою маму! – кричала она.

Кто-то визжал, кто-то пытался оттащить ее от Андрея, но тщетно.

– Оставь его в покое, кошка бешеная! – На девушке повис кто-то из одноклассников. – Ты же ему глаза выцарапаешь!

Андрей, что было очень странно, не сопротивлялся – это Руся осознала уже позже, в кабинете директора. Он даже руку ее не пытался перехватить. Может, это был шок – видимо, парень не ожидал, что «приживалка», которую он считал – в лучшем случае – лабораторной мышью, внезапно на него набросится и так отметелит.

Руся сидела на мягком, с резной спинкой, стуле перед столом директора и ждала, когда из медпункта приведут Андрея.

– Что на вас такое нашло? – недоумевал директор. – Такая приличная на вид девушка!

Маруся молчала. Что тут скажешь? «У нас свои счеты»? Директор прав: лицей – не место для боев без правил.

Вошел Андрей, в компании с Егоровой. В кабинет попытались протиснуться и ее подруги, но директорская секретарша их не пустила.

– Садитесь, – директор кивком указал ему на стул.

Андрей сел.

– А вы идите на урок, будьте добры, – обратился он к Натали.

– Не пойду! – встала в позу та. – Я свидетель.

– Идите! Мы разберемся и без вас.

Когда за недовольной Егоровой закрылась дверь, директор произнес:

– Ну и что же мне с вами делать? Родителей ваших вызвать? Вроде бы вы уже взрослые для подобных мер...

Андрей пожал плечами: мол, ему по фигу. Руся все молчала. Она представила себе, что скажет мама, как она расстроится, и ей сделалось дурно.

– Ладно, на первый раз замнем, – устало произнес директор, так и не дождавшись реакции виновных. – Но учтите, в следующий раз наказаны будете вы оба!

Андрей и Руся встали одновременно и, не взглянув друг на друга, направились к двери. На пороге девушка обернулась.

– Спасибо, – поблагодарила она директора.

Андрей открыл дверь и выпал из кабинета начальства, попав прямо в заботливые объятия своих поклонников. Маруся вышла следом за ним. Вокруг нее тут же образовалась пустота – эдакая зона отчуждения.

– Надеюсь, ее исключили? – протянула Егорова.

Девчонки загалдели наперебой.

– Простили на первый раз, – усмехнулся Андрей и невольно поморщился от боли в разбитых губах.

– Андрюшечка, – залепетала Натали, – она же тебе всю щеку расцарапала! Наверно, шрам теперь останется. – Она попыталась потрогать пластырь, но парень отстранился.

– Ага. Небось когти-то у нее ядовитые, – хмыкнул он. – Еще умру теперь от заражения крови!

– Обойдешься, – фыркнула Руся. – Еще драгоценный яд на всяких тратить!

Она развернулась и пошла прочь.

– Ты еще руки после меня вымой! – донеслось ей в спину. – Руся – Рыся!

«Хорошая идея», – подумала девушка.

4

После уроков Маруся изучала – в частном порядке – иностранный язык. Занималась с ней Мария Матвеевна, вдова генерала, пожилая – назвать ее старушкой не поворачивался язык, – по-девичьи стройная женщина с умным красивым лицом. Глядя на нее, Руся думала о том, что в старости хотела бы быть такой же – живой, ироничной, элегантной, ухоженной, словно сошедшей со страниц книги о прежних, дореволюционных временах, когда жива была еще настоящая российская аристократия.

Дом Марии Матвеевны стоял через три участка от особняка Бориса. Она дружила с его матерью и помнила Русиного отчима маленьким мальчиком, поэтому и поддалась на его уговоры – согласилась заниматься с Марусей языками, английским и немецким.

Никогда прежде у девушки репетиторов не было, она училась сама – усердно, преследуя давно поставленную перед собой цель – поступить на иняз в МГУ. На самом деле ей хотелось учиться в МГИМО, но она понимала, что об этом и мечтать не стоит. Бюджетных мест там – с гулькин нос, а о платных и речи не шло. Да и языки у нее хоть и на хорошем уровне, но для поступления в МГИМО этого все-таки недостаточно.

Так было вплоть до появления в их с мамой жизни Бориса.

Однажды в июне, за ужином, он спросил у падчерицы, что она собирается делать после выпуска, и та, недолго думая, ляпнула:

– Поступать в МГИМО!

Андрей, как водится, обидно заржал.

Не обратив внимания на его смех, Борис произнес:

– Вот это я понимаю! Отличная цель! Считаю вопрос решенным, – и он рубанул рукой воздух.

– Не надо, это же дорого! – испугалась девушка. – Я сама попытаюсь поступить. Не выйдет – пойду в МГУ или в педагогический. – Быть чем-либо обязанной отчиму ей не хотелось, да и гордость не позволяла Русе садиться на его шею, она и так уже невольно на ней повисла – живет за его счет, в его доме... Еще и за ее учебу он будет платить?!

Борис внимательно посмотрел на нее. Спасибо, что спорить не стал.

– Ладно. Как знаешь. Я понимаю, сам таким был, всего хотел добиться самостоятельно, без чужой помощи. Тем не менее репетитора я для тебя найду, и самого лучшего, не сомневайся. Да и на подготовительные курсы тебе не помешало бы записаться.

Идею курсов Руся отмела сразу же: и правда, зачем они нужны человеку усидчивому, который не собирается отлынивать от подготовки к институту и постарается сделать все, от него зависящее, чтобы поступить? С этим аргументом отчим худо-бедно согласился. А вот насчет репетитора он остался при своем мнении.

– Все, разговор на эту тему окончен, – заявил он, когда девушка попыталась и от репетитора отказаться.

Больше они к этому вопросу не возвращались, а в конце августа отчим сообщил, что договорился с подругой своей матери – замечательной женщиной, талантливой переводчицей. Она будет заниматься с Марусей.

Так в ее жизнь и вошла Мария Матвеевна.

На первый урок девушка шла со страхом.

«Какой она окажется? – думала Руся. – Генеральша все-таки!»

Репетиторша представлялась ей эдакой строгой чопорной дамой с громким голосом, затянутой во все черное, поладить с которой будет очень непросто.

Реальность удивила ее.

Руся позвонила в звонок у кованых ажурных, словно доставленных сюда из питерского Летнего сада, ворот, и их створки медленно разъехались в стороны. Девушка сделала несмелый шаг на участок – и обомлела от открывшейся ее взору красоты. Кругом были цветы: шикарные розы, море астр, поздние лилии. Какие-то удивительные, похожие на клены, деревья с разноцветной листвой. В глубине сада виднелся внушительный бревенчатый дом с большой террасой. Его, как и дом Бориса, окружали высокие сосны.

Навстречу девушке по подъездной дорожке спешила стройная женщина в длинной юбке и яркой блузке. Голову ее венчала соломенная шляпа с широкими полями.

Издали Марусе показалось, что хозяйке вряд ли больше сорока лет, но, когда она подошла ближе, девушка поняла, что ошиблась. Женщине, хоть она и лучилась энергией, было уже изрядно за шестьдесят.

– Ну, здравствуй, тетка, – поприветствовала девушку Мария Матвеевна.

– Здравствуй, – несмело улыбнулась в ответ Руся.

Пожилая женщина сделала приглашающий жест рукой:

– Пойдем, сейчас чай вскипит. Ты как относишься к английскому чаю с молоком? – Получив в ответ утвердительный кивок, она продолжила: – Я накрыла столик в саду, погода дивная. Будем пить чай и дышать ароматом роз.

С тех пор Маруся ходила на уроки к Марии Матвеевне, как на праздник. Впрочем, уроками их встречи можно было назвать лишь с большой натяжкой. Они пили чай, читали произведения английских и немецких авторов в оригинале, беседовали. Единственным условием их встреч было то, что все без исключения разговоры велись на иностранном языке: по понедельникам и средам – на английском, по вторникам и четвергам – на немецком. Вначале соблюдать условие было для Руси тяжело – некоторых фраз Марии Матвеевны она не понимала, приходилось переспрашивать, порою она что-то не могла сказать сама и искала известные ей слова для выражения своих мыслей. Но со временем девушка втянулась, ей даже стали доставлять удовольствие такие беседы. В эти дни она чувствовала себя иностранкой.

Иногда Руся заглядывала к Марии Матвеевне и в выходные дни, уж очень ей нравилось у нее бывать. Она чувствовала себя здесь уютно, как дома, а в особняке Бориса Руся была хоть и дорогой, но – гостьей.

В тот день, после драки с Андреем, придя к Марии Матвеевне, Маруся никак не могла сосредоточиться. Домой она после лица не зашла – небось Андрей уже наябедничал на нее домочадцам! Настроение ее в предвкушении разговора с мамой было траурным. С какой стороны ни взгляни, хоть директор и пообещал не сообщать ни о чем родителям, а она подвела всех – и маму, и Бориса. Бориса, пожалуй, даже в большей степени. Конец теперь его хорошему к ней отношению!

Заметив, что ее ученица где-то витать, Мария Матвеевна попросила Русю рассказать, что случилось. И Руся, то и дело останавливаясь, чтобы подобрать нужное слово, выложила ей все, как на духу: и про мамину беременность, и про вчерашнюю выходку Андрея, и про сегодняшнюю драку.

Пожилая женщина только головой покачала.

– Да, нелегко вам всем, – подытожила она. – А особенно – тебе и Андрюше. Вы молодые еще, многих вещей не понимаете, со многим, в силу возраста, не хотите мириться.

Маруся удивленно уставилась на нее:

– Это Андрею-то тяжело?!

– Да. И ничего удивительного тут нет, – кивнула пожилая женщина. – Я сколько раз говорила Борису, чтобы он уделял парню побольше внимания, а он все – некогда и некогда! Мол, у него бизнес, он деньги зарабатывает...

Руся слушала ее молча.

– Благосостояние семьи, конечно, важное дело, – говорила учительница. – Но Андрей рос практически без отца. Да что там говорить, и без матери тоже, – она махнула рукой. – Оба были заняты исключительно собой. На сына им было в одинаковой степени наплевать.

– Вот и вырос оболтус, – высказала свое мнение девушка.

– Ты слишком предвзято к нему относишься. – Мария Матвеевна поправила выбившуюся из прически прядь волос. – Это понятно, ведь вы с ним не ладите, и не по твоей вине. Как я понимаю, он тебя не принял?

– Да он меня возненавидел с первого же дня! И маму мою тоже, – Марусин голос невольно задрожал. – А мы ничего плохого ему не сделали. Мама, так вообще, только и старается с ним подружиться. Андрюшечка то, Андрюшечка се!

Пожилая женщина задумчиво кивнула.

– Понять вас всех можно. – Она помолчала, затем, когда Руся уже и не ждала ее слов, продолжила: – Но ты присмотришься к Андрею получше. Он неплохой парень. Может, ему просто так же одиноко, как и тебе.

«Ага, как же, одиноко ему!» – хотела было сказать девушка, но вовремя прикусила язык.

5

Первым, что она услышала, придя домой, были звуки ссоры. Борис орал где-то на первом этаже, и делал это громко.

Руся обежала весь дом в поисках мамы, но нигде ее не нашла.

«У нее же сегодня в библиотеке допоздна какое-то важное мероприятие», – вовремя вспомнила девушка.

Она пошла на крик.

– Ты ведешь себя по-свински! – кричал Борис. – Я в твоём возрасте уже самостоятельно деньги зарабатывал, а ты только и знаешь, что с друзьями пиво пить и не делать ни черта! В лицей тебя нормальный перевел, думал, ты за ум возьмешься. Щаз! – Он показал сыну кукиш. – Так и знай: если в институт не поступишь, будешь жить сам, как умеешь. От меня ты больше ни копейки не получишь!

– Да иди ты знаешь куда со своими копейками! – выкрикнул Андрей, и Маруся, сделав еще пару шагов, увидела его. Он стоял у окна, небрежно облокотившись о подоконник.

– Что ты сказал?! – с новой силой заорал Борис. Его лицо приобрело пурпурный оттенок, и Русе сделалось неприятно смотреть на него. – Как ты смеешь так с отцом разговаривать?! – Он подошел к сыну и тряхнул его за плечи.

– Иди ты знаешь куда со своими деньгами, – уже спокойно, прямо в лицо отцу, повторил Андрей.

На мгновение девушке сделалось страшно за него. Казалось, сейчас Борис размажет его по стенке. Но он взял себя в руки и отошел в сторону.

Возникла пауза. Каждый решал, как наиболее выгодно для себя продолжить ссору.

– И с кем ты на этот раз подрался? – нарушил наконец молчание Борис. Несмотря на его спокойный, ровный тон, в вопросе прозвучала угроза.

– Ни с кем. Упал с мотоцикла одного приятеля. – Маруся не поверила своим ушам – Андрей ее не выдал!

– Надеюсь, ни друг, ни его мотоцикл не пришлют мне счет за ущерб? – произнес отчим. Андрей лишь молча сжал кулаки.

– Он врет, это я его ударила! – неожиданно для себя выпалила Руся.

Оба – и отец и сын – уставились на нее. Андрей смотрел зло, Борис – удивленно.

«Наверно, ему стыдно, что его побил девчонка», – запоздало подумала она.

– Можно узнать – за что? – осведомился отчим.

– У нас свои счета. – Вот и пригодилась ей эта фраза.

– Что ж, счета так счета, – неожиданно легко согласился Борис. – Я бы хотел с тобой поговорить. – Он шагнул к Марусе. – А с тобой разговор окончен, – кивнул он сыну.

Отчим взял падчерицу под руку и вывел ее в холл. Они бок о бок прошли к входной двери и оказались на крыльце.

– Пройдемся? – спросил Борис.

Девушка пожала плечами. Как будто у нее был выбор!

Они пошли по дорожке, огибавшей особняк. В компании отчима Маруся чувствовала себя очень неуютно, ей хотелось вырваться у него руку и отстать на пару шагов.

– Как дела в лицее? – спросил Борис.

«Он что, пытается ненавязчиво начать беседу?» – подумала девушка.

– Нормально, – произнесла она вслух. – Спасибо.

– Друзей уже завела? – не отставал отчим.

– Да, – соврала падчерица.

– Я рад. А как продвигаются твои занятия с Марией Матвеевнй?

– Отлично. – Руся невольно улыбнулась.

– Я же говорил, что она – замечательная. С ее помощью ты любой язык будешь знать, как родной. – Начал накрапывать мелкий дождик, и они повернули к дому. – Марусь, если Андрей тебя обижает, ты мне только скажи, – вдруг произнес Борис, и девушка поняла, что именно ради этой фразы он и гулял с ней по саду.

– Да нет, у нас с ним нормальные отношения, – вновь соврала она. – А то, что я его ударила... просто так получилось... Мы... поспорили, и я... – Она запнулась, поняв, что он разгадал ее ложь.

Отчим пристально посмотрел на нее.

– Запомни: что бы ни случилось, ты всегда можешь мне об этом сказать. Ты теперь – моя семья, как и твоя мама, а я своих любимых в обиду никому не дам.

«Интересно, Андрей об этом знает? – подумала девушка. – Получается ведь, что он – совсем не любимый и не семья».

– Я думаю так же, как и ты, обо многих вещах, – договорил Борис. – В этом мы с тобой похожи.

Маруся с радостью отметила, что они уже дошли до крыльца. Отчим посмотрел на часы:

– О, уже пора ехать за Леночкой!

– Я рада, что она с вами счастлива, – произнесла Маруся и, высвободив, наконец, свой локоть, легко взбежала на крыльцо.

6

Андрей после того разговора с отцом, свидетелем и невольным участником которого стала Руся, стал обходить ее стороной, словно она – чумная. Даже не задирали ее больше – вообще не замечали. Она радовалась этому. Лучше уж пусть он смотрит на нее, как на пустое место, чем постоянно с ним сталкиваться и терпеть его тычки.

Октябрь перевалил за середину. После периода дождей установилась неожиданно солнечная погода, и Маруся старалась как можно чаще гулять. В выходные дни она брала велосипед, рюкзак с бутербродами, термос с чаем и уезжала на прогулку по окрестностям.

Иногда она каталась по лесу, сидела на берегу реки, глядя на воду, иногда ездила в небольшой поселок, располагавшийся в двадцати километрах от элитного коттеджного, в котором она теперь жила. Там, в поселке, была заброшенная, полуразрушенная усадьба с прилегающим к ней запущенным парком, по которому девушке так нравилось бродить.

Она не представляла, что будет делать зимой. Друзей у нее нет, пойти куда-либо не с кем, а по холоду не очень-то и погуляешь. Просить Бориса «развлечь» ее она не будет. Сама как-нибудь справится с одиночеством, не маленькая ведь уже.

Мама ходила радостная. Говорила об ожидавшемся прибавлении в семействе. Неоднократно она звала дочь с собой и мужем проехать в город, походить по магазинам, но Руся отговаривалась – уроков, мол, много. Общаться с мамой в компании Бориса ей не хотелось, да и что это за общение – даже не посекретничайешь.

В лицее у нее все шло гладко. Спокойно. Никак. Маруся приходила раньше всех, занимала свое место, раскладывала учебники и тетради и утыкалась в какой-нибудь параграф или конспект. Никто из одноклассников даже не пытался к ней подойти. На переменах они болтали о чем-то своем: о новых штотках, о приближавшихся каникулах, о том, кто с кем встречается и кто кого бросил.

Руся не понимала таких разговоров. Они казались ей высосанными из пальца. Все только и делали, что пытались пустить побольше пыли в глаза друг другу: хвалились деньгами своих отцов, новыми машинами, обсуждали всякие модные штучки, которые Марусе были глубоко неинтересны. Если бы она могла, она бы никого вообще не слушала, но она не могла затыкать уши на глазах у всех. Ребята из класса были для нее чужими, словно инопланетяне.

Это была другая жизнь, которая с ее жизнью не имела ничего общего.

Руся приходила из лицея домой, быстро перекусывала и бежала к Марии Матвеевне. Некому ей было рассказать, как она дорожит этими часами общения с пожилой женщиной, с каким сожалением каждый раз уходит от нее.

«Надо потерпеть один год, – уговаривала себя Маруся. – Потом я поступлю в институт, уеду в общежитие или попрошу у мамы, чтобы она разрешила мне жить в нашей квартире. Найду работу. Устроюсь как-нибудь».

Вроде бы мечты об институте и грели ее душу, но, в то же время они казались Русе какими-то далекими, словно космос, а потому – нереальными. Рядом была мама. Рядом – и в то же время, далеко-далеко. Мама, с головой ушедшая в свою новую семью и, казалось, совсем забывшая о своей почти выросшей дочери. На фоне ее счастья девушка еще острее чувствовала свое одиночество и часто перед сном, размышляя обо всем понемножку, констатировала реальный факт: она не вписалась, не вжилась в эту новую жизнь. Оказалась недостаточно гибкой, чтобы принять все эти перемены, влиться в компанию одноклассников, привыкнуть к новому дому и к Борису.

Отчим часто спрашивал у нее, как идут дела, и она неизменно отвечала – «все хорошо». А что еще она могла бы сказать? Руся должна была быть благодарна ему, ведь она живет в

его доме, учиться в элитном лицее за его счет, и он сделал счастливой ее любимую маму. Чего же еще ей желать? Ей даже в голову такое не могло прийти – вместо «все хорошо» сказать «не очень».

Однажды, когда Маруся собиралась в лицей и уже застегивала свою старую куртку, Борис подловил ее.

– Маруся, не торопись, я тебя отвезу, – сказал он.

– Спасибо. Я сама дойду, – попыталась отговориться девушка.

– Я сказал, отвезу, значит, отвезу.

Первые пять минут в машине стояла звонкая тишина. Вернее, это Русе казалось, что тишина эта – какая-то звонкая, давящая на уши. Отчим уверенно вел огромный «Хаммер», пристально глядя на дорогу.

– Почему ты все еще носишь эту куртку, я же купил тебе новую? И дубленку, и пальто. И сапоги, – наконец, произнес он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.